

УДК-323

МОЛОДЁЖНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ

*С.Н. Чирун*¹

В статье рассматриваются такие научные категории, как молодёжный экстремизм и радикализм, а также дается сравнительный анализ научных подходов. Сегодня среди глобальных общественно-политических проблем молодёжный экстремизм занимает особое место. Велика опасность экстремизма не только для нашей страны, но и для всего международного сообщества. Экстремизм наносит существенный вред процессам политической социализации, оказывает значительное негативное влияние на «чувство защищенности» молодого человека, подрывая основания безопасности и стабильности общества и государства. По мнению автора, понятие «радикализм» является более приемлемым в научных работах, чем понятие экстремизм, поскольку последнее сегодня является инструментом стигматизации политических оппонентов и инструментом политической борьбы.

Ключевые слова: молодёжный политический экстремизм; молодёжный радикализм; терроризм; радикальная идеология; оппозиция.

Молодёжный экстремизм как сложнейший социально-политический феномен, имеющий более чем внушительную историю, сопровождал политические процессы и отношения в обществе на протяжении очень многих веков, но сегодня сложившаяся на международной арене ситуация активно генерирует факторы риска, неопределенности, порождающие экстремизм, а также формирует благоприятный фон, способствующий осуществлению экстремистских планов. Этому также способствуют: сложная экономическая ситуация в стране, обострившаяся вследствие экономических санкций, непростая международная обстановка, формирование и экспансия влияния террористической организации ДАИШ, потенциально угрожающей национальной безопасности РФ, деструктивные процессы в ряде стран ближнего зарубежья.

Это представляет серьезную угрозу, поскольку в аксеологическом плане экстремизм отвергает любое проявление инакомыслия, брутально навязывает

¹ Чирун Сергей Николаевич – докторант кафедры политических наук КемГУ (г. Кемерово), кандидат социологических наук, доцент. E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru.

© Чирун С.Н., 2016.

вая молодёжи собственную концепцию политических, идеологических и прочих взглядов, используя насилие для подчинения своих оппонентов [21, 78–82]. Пропагандируя свои радикальные идеологемы, лидеры политического экстремизма обращаются к эмоциональной сфере, к области коллективно-бессознательного, т.е. к эмоциям и предрассудкам.

В моменты острых социально-политических конфликтов и кризисов, периодически возникающих в процессе развития любого государства и связанных с деформациями условий жизни граждан, переоценкой ценностей, падением материальных показателей качества жизни, утратой витальных перспектив и жизненных ориентиров, политический экстремизм становится одной из наиболее трудно изживаемых массовых молодёжных характеристик.

В современной, как в отечественной, так и зарубежной политической науке, отсутствует однозначное общепринятое определение термина политический экстремизм [22, 359–363].

Под вывеской политического экстремизма, зачастую, смешиваются самые разнородные явления: от множественных форм классовой и национально-освободительной борьбы, с применением политического насилия, до откровенно антисоциальных действий, преступлений, совершаемых уголовными элементами.

Тем самым, явно или скрыто, косвенно утверждается, что якобы экстремизм – это всего лишь определенные убеждения, взгляды, включая готовность к действию, тогда как терроризм – это уже следующая стадия, связанная с реализацией, воплощением в практику экстремальных идей. Такого рода разрыв между, с одной стороны, идеологическим, и с другой – деятельностными аспектами экстремизма, выглядит крайне схоластическим.

Поэтому следует признать, что применение термина «экстремизм» всегда и везде сопровождается явлением «стигматизации» политического оппонента и носит в определенной степени субъективный и искусственно конструируемый характер. Так, например, одно и то же политическое явление (например, осуществление герильи – партизанской войны) может в различном смысловом контексте интерпретироваться не только как «борьба за справедливость, идеалы», но, также, как радикализм и экстремизм, или даже терроризм.

Кроме того, даже умеренная оппозиционная деятельность может классифицироваться государственной властью как «экстремистская», но может быть и наоборот [3, 92–99].

С относительностью и условностью термина «экстремизм» связана также его особенность, заключающаяся в том, что данный термин использу-

ется одними политическими субъектами для характеристики других субъектов, но никогда не применяется для характеристики самих себя.

Уточним, что, конечно же, существующие возможности для огульного и субъективного «наклеивания ярлыков» на оппонентов далеко не безграничны. Ведь, как правило, под экстремизмом понимаются радикальные взгляды, имеющие выраженный интолерантный характер, оправдывающие применение насилия по отношению к своим политическим оппонентам, а также иную деятельность радикального характера.

Согласно Шанхайской Конвенции – экстремизм предстает в качестве деяния, направленного на силовой захват власти или насильственное её удержание, а также на насильственную смену конституционного строя государства, а также и насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе с созданием и использованием незаконных вооруженных формирований [19].

В России правовое определение экстремистских действий, присутствует в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [15].

В практике применение термина «экстремизм» часто соседствует с использованием понятия «радикализм», более того, зачастую они даже употребляются как синонимы. Однако данный термин имеет несколько другую историю применения. Понятие «радикализм» изначально использовалось, чтобы охарактеризовать искреннее стремление разобраться в сути социальных проблем, дойти до их корней. Специфика политического радикализма в российской молодёжной среде детально представлена в работах Д. И. Аминова [1], С. В. Беликова [2], С. А. Сергеева [14, 170–174], А. А. Козлова [9], М. В. Кроз, Р. Э. Оганяна, С. И. Гирко [5], А. Р. Ратинова [10] и др.

Сегодня мы наблюдаем максимальное сближение обыденного употребления этих понятий, но нужно отметить, что даже в современном контексте, понятие «радикализм» не несет столь негативных коннотаций, как понятие «экстремизм».

Следовательно, понятие «радикализм» может считаться существенно более академичным, чем «экстремизм», который в современной России приобретает все более выраженный характер инструмента стигматизации, тогда как термин «радикализм», напротив, имеет хорошие шансы стать со временем сугубо научной категорией, использование которой политологом уже не предполагает применения репрессивных санкций со стороны органов государственной власти.

Американские политологи Л. Уилкоккс и Дж. Джордж на материалах исследований внутренней политики Соединенных Штатов выделяют в США левый и правый молодёжный экстремизм [23]. Левые экстремисты, по их

мнению, это те, кто декларируют необходимость борьбы за восстановление социальной справедливости и утверждают, что ведут справедливую борьбу «за интересы трудящихся». Правые же экстремисты твердят о борьбе между различными народами и расами, культурами и цивилизациями.

Понятия молодёжный экстремизм и молодёжный радикализм стали сегодня обыденными как в публицистической, так и в научно-исследовательской литературе, но при этом так и не возникло научного понятия, которое бы отличало экстремизм людей зрелого или пожилого возраста от экстремизма молодых людей.

В молодежных исследованиях, нацеленных на комплексный анализ причин и факторов [24, 464–466] молодёжного экстремизма, можно выделить ряд методологических подходов.

К первой группе можно отнести исследования, авторы которых фокусируют внимание на психике и ее девиативных особенностях у молодых экстремистов. Эти ученые склонны рассматривать молодых радикалов в качестве психопатов и социопатов, т.е. людей, страдающих серьезными психическими отклонениями [27, 73–100]. В отличие от них, неофрейдисты, признавая в сущности психическую нормальность радикалов, однако уверены, что все экстремисты перенесли в раннем детстве психологическую травму. Эти взгляды развивают представители знаменитой франкфуртской школы. Однако более глубокие исследования опровергли гипотезу франкфуртской школы о корреляциях между условиями первичной социализации девиантов и их предрасположенностью к экстремизму и терроризму [25, 17–39].

Ко второй группе исследований, претендующих на объяснение причин появления экстремизма и радикализма, относят так называемые теории социальной депривации. Их суть в том, что экстремизм и радикализм, по мнению авторов этих теорий, порождаются крайней нищетой определенных социальных групп общества, а также непропорционально-асимметричным распределением властных ресурсов в политической системе.

Интересное обоснование генезиса экстремистских движений было предложено Т. Гаром [4, 51]. Согласно его подходу, агрессивность возникает при существенном расхождении между ожиданиями и реальностью. Так сложились три модели относительной депривации:

- когда ожидания граждан сохраняются на прежнем уровне, а их возможности убывают;
- когда возрастают ожидания граждан, но не изменяются их возможности;
- когда ожидания граждан растут, а возможности сокращаются.

В настоящее время большой интерес в исследованиях феномена экстремизма представляет теории социальных сетей М. Грановеттер [24].

Сетевые структуры, развивающиеся в политико-организационном пространстве обществ постмодерна, без преувеличения можно обозначить в качестве тренда наиболее перспективной организационной формы XXI в. Неслучайно, сетевая организация является одной из магистральных исследовательских направлений, предлагая новые способы фиксации политической реальности, жизненно актуальные для постсовременности технологии принятия и реализации управленческих решений, формируя новую грань исследования феноменов экстремизма и терроризма.

По сути, новаторство сетевого подхода состоит в возможности анализировать не только институциональную, нормативно определённую формальную организационную структуру государственного управления, но и в первую очередь, горизонтальные неформальные взаимодействия и связи между политическими акторами.

Сети, в свою очередь, представляют собой систему множественных горизонтальных связей, определяемых Ж. Делёзом как ризома [7]. И здесь уже речь идёт об изменении идеологического представления об устройстве общества – эволюции воззрений от классических, периода Нового времени, к сетевым, сложившимся с момента начала постиндустриальной эпохи до полного становления мировоззренческой парадигмы постмодерна. Именно ризома, является необходимым условием распространения американской стратегии, на что указывают А. Негри и М. Хардт, утверждая: «Общие контуры современного имперского строя могут быть представлены в виде ризомы, разветвленной корневой системы, универсальной сети коммуникаций, все точки или узлы которой связаны между собой» [16]. Экстремизм может рассматриваться как элемент сетевой войны. Взять, для примера, ситуацию с Украиной периода «оранжевой революции» конца 2004 г. То, что произошло на Украине, – оранжевый переворот – есть типичный ненасильственный перехват власти и переход Украины под атлантистский стратегический контроль. В этом преимущество сетевых технологий. Иная ситуация на Украине сложилась в начале 2014 г. Здесь захват власти был осуществлён насильственным путём, с привлечением военизированных формирований экстремистски мотивированной молодёжи. Что касается кадрового состава этих организаций, основными самыми активными участниками экстремистских группировок является молодёжь, и в террористических акциях главными действующими персонами (исполнителями) являются, в большинстве своем, молодые люди.

Вступая изначально в сугубо экстремистские радикальные группировки, многие молодые люди становятся тем самым еще и потенциальными террористами. Неоспоримый факт, что главными вождями, руководителями и идеологами экстремистских молодежных организаций являются, прежде всего, уже взрослые люди.

Проблематика функционирования радикальных военизированных организационных молодёжных структур, информационной и политической безопасности, технологической составляющей экстремизма, а также её трансформации в условиях глобализации и процессов формирования информационного общества раскрывается в исследованиях профессора И. Л. Морозова [26, 620–623].

В работах С. А. Панкратова, Е. В. Ефановой, С. И. Морозова и др. представлены различные аспекты политической социализации, превенции политического радикализма и экстремизма, пути достижения политической стабильности, формирования гражданственности и патриотизма в молодёжной среде [11]. В данном случае теория результативно сочетается с практикой. Так, в Волгоградской области и Южном федеральном округе действует Научно-образовательный центр «Модернизация многомерного социально-политического пространства современной России», и с 2012 г. им эффективно реализуется проект «Инновационные ресурсы и модели политико-правовой ресоциализации представителей молодёжных когорт, склонных к проявлению ксенофобии и национализма, экстремистских форм поведения...» [12, 149–150].

Другой пример. В Кузбассе на базе исследовательской лаборатории факультета политических наук и социологии КемГУ налажена и успешно действует система регионального мониторинга экстремистских проявлений в молодёжной среде [20, 44–57]. Результаты данных исследований имеют не только неопределимое прикладное значение, с точки зрения обеспечения порогового уровня превенции проявлений молодёжного экстремизма в регионе, но также вносят заметный вклад в развитие теоретических вопросов профилактики молодёжного экстремизма [18, 21–32].

Некоторые исследователи предпринимают попытки объяснить распространение экстремистских тенденций среди современной молодежи тем, что такой вид политического экстремизма, как терроризм, разгоняет благополучную скуку общества изобилия, а то и просто представляет собой атрибут очередной моды. В целом, радикальность, как имманентное свойство молодости, универсальна, но в ситуации постмодерна молодёжный радикализм качественно обновляет свои черты и формы. Он актуализируется в национально-гетерогенной среде, где проводником социальной дискриминации является возраст, соединённый с этнической принадлежностью. Например, предпосылкой для возникновения в России радикального движения «Антифа», как отмечает С. А. Сергеев, стало широкое распространение в 2000-х гг. ксенофобских и этнонационалистических настроений [13, 38–50]. Подъем национализма в РФ берёт начало с середины 90-х гг. XX в. Тогда, как свиде-

тельствуют исследования Левада-Центра [6], он был защитно-компенсаторным, связанным с потерей прежней идентичности.

Сегодня предпосылки экстремистского поведения находятся не только вне субъекта, но и в самом человеке. В этих ситуациях процесс радикального действия оказывается важнее закономерности идеологического обоснования. Поэтому попытки объяснить возникновение экстремистского сознания только влиянием политических социальных и экономических условий, могут быть недостаточны [8, 35–39]. Возможны случаи, где самоуничтожение, саморазрушение, становится для экстремиста необходимым психологическим состоянием.

В основе политического экстремизма как идеологии лежит нигилистическое мировоззрение. Возможно, это и обуславливает крайнюю агрессивность как «левых», так и «правых» террористических групп, по мнению которых радикальными методами следует тотально изменить существующий мир, И «левые», и «правые» экстремисты тяготеют к насильственным методам решения социальных проблем. Нигилизм, являясь одним из важнейших течений современной европейской мысли, влияет непосредственным образом на условия и характеристики существования социума. Это позволяет нам говорить о формировании и распространении экстремистского типа молодёжного сознания.

С политологической точки зрения, видные теоретики наиболее крайних, радикальных идейно-политических течений стараются оправдать применение политического насилия в борьбе за власть.

Следовательно, экстремистскими можно обозначить действия, идеи или даже линию в политике, если они допускают превышение необходимой степени воздействия, в зависимости от характера используемых средств: физического насилия, административного принуждения, экономического давления. Центральным блоком, как взрослого, так и молодёжного политического экстремизма, является радикальная идеология, которая может быть представлена различными идейными направлениями.

Наряду с традиционными разновидностями политического радикализма и экстремизма, в ситуации постмодерна наметились и зачатки альтернативной экстремистской идеологии. Ее базой являются концепции коренного глобального переустройства всей политической системы (часто в мировом масштабе), на основе радикальных экологических и пацифистских компонентов.

В рамках политологии рационально исследовать такие важные вопросы, как влияние субъектов политической власти на процесс возникновения политического экстремизма, как «взрослого», так и молодёжного, роль молодёжного политического экстремизма в дестабилизации политической систе-

мы общества, место молодежного политического экстремизма в различных политических структурах.

Многие мыслители, занимавшиеся проблематикой молодёжного политического экстремизма, отмечают серьезные трудности, связанные с выработкой адекватного научного определения данного явления. Во многом это объясняется объективными проблемами.

Поэтому при исследовании молодежного политического экстремизма как социально-политического явления, в качестве основного значимого момента необходимо четко себе уяснить, что мы понимаем под понятием политического экстремизма в каждом конкретном случае.

Эксперты выделили ряд признаков понятия политического экстремизма, отличительными чертами которого являются «пропаганда и использование насилия и других крайних средств для достижения любых политических целей». В Законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности» дается правовое определение данного явления: «Политический экстремизм – это динамичное общественно-политическое явление, выражающееся в стремлении определенных политически активных акторов, контрэлит, групп интересов, воплотить в реальность свои политические идеалы всеми доступными методами, включая противоправные способы воздействия, в целях обретения политического господства» [15].

Политический экстремизм также можно понимать и как определенную радикальную линию или позицию во внутренней политике государства, которая отвергает возможные компромиссы с противоборствующей стороной. Нам также полезно будет провести концептуальное различие между идейными экстремистами и просто обычными преступниками, потому что, как и экстремисты, преступники могут в своей преступной деятельности использовать насилие для осуществления определенных целей. Однако, даже при некотором внешнем сходстве самих совершаемых актов насилия – цели и мотивация принципиально различаются.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что настоящий экстремист, или террорист, никогда не признает себя преступником, напротив, он свято верит в правоту своих идей, в то, что служит справедливому, благородному делу.

Таким образом, нам становится совершенно ясна та принципиальная разница, которая присутствует между молодыми уголовниками и экстремистами.

Термин, молодёжный радикализм, как показывает практика, зачастую употребляется в качестве синонима понятия молодёжного экстремизма.

Однако их различие вполне очевидно и сегодня касается, в первую очередь, институциональных демократических и конституционно-нормативных основ разрешения политических противоречий.

Можно смело утверждать, что радикализм – это скорее «направленность», «стремление», а экстремизм – «приверженность». Радикал – это субъект намерения, но часто не совершающий (не завершающий начатое) действие, а экстремист – это тот радикал, который способен реализовать свою радикальную субъектность в практической плоскости. Таким образом, радикализм – это крайнее, но, возможно, легальное, а экстремизм – это, и крайнее, и одновременно нелегальное явление.

Движения, оппозиционные власти в настоящее время стремятся заручиться поддержкой наиболее активной части молодёжи, смещаясь при этом в сторону радикализма и экстремизма. Открытый диалог с радикальной молодёжью позволит понять причину популярности неконформистских настроений и скоординировать методы превенции этого явления. Однако на практике власть пытается решить данную проблему преимущественно за счёт силового ресурса, мотивируя это требованием строгого соблюдения законов, независимо от нюансов ситуации, характера политических взглядов и убеждений, вместо создания гибкой сетевой технологии привлечения радикальной молодёжи к участию в публичной политике.

К основным предпосылкам развития политического радикализма можно отнести: степень развития в стране социально-политических институтов и механизмов их функционирования, в том числе степень развития политической системы; институтов гражданского общества, состояние экономических и финансовых институтов; степень развития юридических и правовых институтов, а также политико-правовую грамотность и порядочность общества и элиты. В то же время использование методов ивент-анализа позволяет сделать вывод о том, что разработка адекватного категориально-понятийного аппарата в сфере исследования экстремистской деятельности и терроризма в настоящее время являются незавершенной. Перед исследователями терроризма и экстремизма стоит задача определения четких предельно структурированных критериев классификации насильственных и антиконституционных посягательств, разграничения их с учетом содержания, основной направленности и участников этих действий.

В ситуации постмодерна процесс классификации любых политических процессов и явлений, в том числе экстремистской направленности, неизбежно имеет определенный элемент условности. Такое состояние связано с наличием многочисленных нестабильных факторов, влияющих на содержание данных проявлений.

Библиографический список

1. Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. 196 с.

2. *Беликов С. В.* Бритоголовые. Всё о скинхедах. Эксклюзивные материалы. М.: Издательский центр РГГУ, 2002.
3. *Бочаров Р.А.* молодежный экстремизм в категориальном поле политической науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12 (55).
4. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
5. *Гирько С.И. и др.* Комментарий к Федеральному закону «О противодействии терроризму». М., 2007. 88 с.
6. *Гудков Л. Д.* Рост националистических настроений – это признак стагнации общества / Левада Центр. URL: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М., 2007.
8. *Лощаков Д.Г.* Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6.
9. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга. Теория, практика, методы профилактики экстремизма / под ред. А. А. Козлова, В. А. Канаяна, СПб., 2008.
10. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. проф. А. Р. Ратинова. М., 2005.
11. *Панкратов С.А., Ефанова Е.В., Морозов С.И.* Гражданственность и патриотизм как элементы политической культуры российских граждан // Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI в. М., 2014. 286 с.
12. *Панкратов С.А., Морозов С.И.* Государство и гражданское общество в поисках инновационных ресурсов преодоления ксенофобии, национализма и экстремизма в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. №1. С. 149–150.
13. *Сергеев С.А.* Левые радикалы в российской провинции: движение «Антифа» // ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 38–50.
14. *Сергеев С.А.* Националисты и антифа в российской провинции: насилие на улицах / Социокультурные корни насилия в современном обществе /. Н. Новгород, 2013.
15. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114 от 25 июля 2002 г.: в ред. от 23 нояб. 2015 г. с изменениями, вступившими в силу с 23 нояб. 2015 г.
16. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
17. *Хомяченкова О.В.* Факторы, способствующие развитию молодежного экстремизма // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1.

18. *Чирун С.Н., Степанян К.А.* Теоретико-методологические проблемы изучения молодёжного политического экстремизма // Политические институты и процессы. Кемерово, 2015. №3.
19. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2. Ст. 155.
20. *Шиллер В.В., Вольхина В.А.* Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области // Политические институты и процессы. Кемерово, 2015. №2.
21. *Шинкевич В.Е., Беляков Б.Л.* Безопасность общества и молодежный экстремизм: социально-философский аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8 (63).
22. *Юдашкина В.В.* Экстремизм молодёжи // European Social Science Journal. 2014. (август).
23. *George J.* Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. N.Y.: Prometheus Books, 1992. 523 p.
24. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol.78. № 6.
25. *Merkl P.* West German Left-Wing Terrorism / Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995.
26. *Morozov I. L.* Information and political security of the democratic state world experience and Russia // Life Science Journal. 2014. № 11.
27. *Post J.* The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism // Studies in Conflict and Terrorism. 2002. № 25.

YOUTH POLITICAL EXTREMISM: CAUSES AND FORMS

S.N. Chirun

Associate Professor, Doctoral Student, Department of Political Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The article deals with such scientific categories as youth extremism and radicalism; comparative analysis of scientific approaches is provided. Today, youth extremism holds a specific place among the global socio-political issues. There is a great danger of extremism, not only for our country but for the entire international community. Extremism causes significant harm to the processes of political socialization, has a considerably negative impact on a young person's "sense of security", undermining the foundations of security and stability for society and the state. Ac-

According to the author, the concept of radicalism is more acceptable for scientific works than the notion of extremism, since nowadays the notion of extremism is a tool for stigmatizing political opponents and an instrument of political struggle.

Keywords: youth political extremism; youth radicalism; terrorism; radical ideology; opposition.

References:

1. *Aminov D.I., Ohanian R.E.* Youth extremism. Moscow, 2005. 196 p. (In Rus.).
2. *Belikov S.V.* Skinheads. Everything about skinheads. Exclusive materials. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. (In Rus.).
3. *Bocharov R.A.* Youth extremism in categorical field of political science. Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2014. № 12 (55). (In Rus.).
4. *Gurr T.R.* Why men rebel. St. Petersburg, 2005. (In Rus.).
5. *Girko S.I. et al.* Comments to the Federal Law «On Counteracting Terrorism». Moscow, 2007. 88 p. (In Rus.).
6. *Gudkov L.D.* Growth of nationalist sentiment as a sign of stagnation in the society. Available at: <http://www.levada.ru/18-12-2013/lev-gudkov-rost-natsionalisticheskikh-nastroenii-eto-priznak-stagnatsii-obshchestva>. (In Rus.).
7. *Deleuze G., Guattari F.* Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Moscow, 2007. (In Rus.).
8. *Loshchakov D.G.* Radicalization of the youth in the modern Russian society and its factors. Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 6. (In Rus.).
9. Informal youth communities of St. Petersburg: theory, practice and methods of preventing extremism. Ed. by A.A. Kozlov, V.A. Kanayan. St. Petersburg, 2008. (In Rus.).
10. Responsibility for inciting hatred and enmity. Psychological and legal characteristic. Ed. by A.R. Ratinov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. (In Rus.).
11. *Pankratov S.A., Efanova E.V., Morozov S.I.* Citizenship and patriotism as elements of Russian citizens' political culture. Citizen. Society. Country: Russia in the 21st century. Moscow, 2014. 286 p. (In Rus.).
12. *Pankratov S., Morozov S.I.* State and civil society in the search of resources for overcoming xenophobia, nationalism and extremism in Russia in the contemporary period. Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International relations. 2013. №1. P. 149–150. (In Rus.).
13. *Sergeev S.A.* Leftist radicals in Russian province: the «Antifa» movement. Political Expertise: POLITEX. 2013. № 1. P. 38–50. (In Rus.).

14. *Sergeev S.A.* Nationalists and anti-fascists in Russian province: violence on the streets. Sociocultural roots of violence in modern society. Nizhny Novgorod, 2013. (In Rus.).
15. RF Federal Law «On counteracting extremist activity» of July 25, 2002 № 114-FZ (as amended of November 23, 2015) (In Rus.).
16. *Hardt M., Negri A.* Empire. Moscow, 2004. (In Rus.).
17. *Homyachenkova O.V.* Factors contributing to the development of youth extremism. Russian Criminological Outlook. 2015. № 1. (In Rus.).
18. *Chyrun S.N., Stepanian K.A.* Theoretical and methodological problems of studying youth political extremism. Political institutions and processes. Kemerovo, 2015. № 3. (In Rus.).
19. The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 2. Art. 155. (In Rus.).
20. *Schiller V.V., Volkhina V.A.* The concept of regional monitoring of extremism: the prospects for the practical implementation in the Kemerovo Region. Political institutions and processes. Kemerovo, 2015. № 2. (In Rus.).
21. *Shinkevich V.E. Belyakov B.L.* Public safety and youth extremism: socio-philosophical aspect. Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management. 2015. № 8 (63). (In Rus.).
22. *Yudashkin V.* Extremism youth. European Social Science Journal. 2014. August. (In Rus.).
23. *George J.* Nazis, Communists, Klansmen, and Others on the Fringe: Political Extremism in America. N. Y., Prometheus Books, 1992. 523 p. (In English).
24. *Granovetter M.S.* The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology. 1973. Vol.78. № 6. (In English).
25. *Merkel P.* West German Left-Wing Terrorism. Terrorism in Context. Ed. by M. Creshaw. University Park: Pennsylvania State Univ. Pr., 1995. (In English).
26. *Morozov I. L.* Information and political security of the democratic state world experience and Russia. Life Science Journal. 2014. № 11. (In English).
27. *Post J.* The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism. Studies in Conflict and Terrorism. 2002. № 25. (In English).